



Лунин С.Л.

Психологические особенности мужчин, находящихся в ситуации временной трудовой миграции: специфика ЮФО

В данной статье дано определение трудовой миграции как социально-психологической категории, приводятся данные эмпирического исследования по выявлению особенностей психологической адаптации мужчин-трудовых мигрантов, работающих в ЮФО более 1 года и имеющих различную этноконфессиональную принадлежность.

Ключевые слова: мигранты, беженцы, переселенцы, адаптация, ассимиляция, интеграция, ценностно-смысловые установки.

Этнические миграции, появившись в человеческой истории, создали новую ситуацию, которая в психологическом плане требует от человека (и человечества в целом) «трудной работы понимания и принятия, как иного взгляда на мир, запечатленного в других этнических культурах, так и понимания этнических основ собственного существования» [7, с. 5]. Массовость и напряженность современных этнических миграций породила потребность в знании психологических законов, которым подчиняется миграционное поведение. Особый раздел проблем в контексте этнической миграции связан с появлением и расширением трудовой миграции, поскольку данный вид мигрантов имеет свои отличительные особенности и специфические характеристики.

Успешность или неуспешность адаптации мигрантов будет определяться внутренней, мотивационной структурой личности, зависеть от иерархии мотивов личности, которые побуждают ее к миграции и впоследствии, очевидно, будут определять выбор и реализацию ею соответствующей стратегии поведения. В качестве основных показателей успешности социокультурной адаптации мигрантов можно выделить следующие:

- установление позитивных связей с новой средой,
- решение ежедневных житейских проблем,
- участие в социальной и культурной жизни принимающего общества,
- удовлетворенное психическое состояние и физическое здоровье,
- адекватность в общении и в межкультурных отношениях,
- целостность и интегрированность личности.

В контексте проблемы миграции личностные смыслы выделяются в качестве детерминанты адаптационной толерантности и адаптационных возможностей, что позволяет анализировать проблему адаптации мигрантов в контексте ценностно-смысловой теории. Теория ценности ожиданий, которая утверждает, что адекватность ожиданий мигрантов от жизни в новой стране прямо влияет на их адаптацию, в современной психологии получает все большее распространение. Под личностными смыслами в данном контексте мы понимаем «интегрированное смысловое образование, отражающее действительное субъективное отношение личности



к целям, мотивам, способам и приемам деятельности и проявляющимся в неосознанном или осознанном (вербализованом) эмоциональном непосредственном переживании» [6, с. 60].

Сочетание побудительного компонента к жизнедеятельности в новых условиях в виде личностного смысла и адаптационных способностей личности как раз и образуют адаптационные возможности человека. Под адаптационными возможностями мы понимаем «условия, необходимые для успешной реализации адаптационного потенциала личности, основанного на степени выраженности в ее структуре адаптационных способностей (адаптивности) и состоящие в актуализации позитивно направленного на цели и задачи деятельности в заданных измененных условиях существования личностного смысла данной деятельности» [там же, с. 60]. Таким образом, успешность адаптации личности как с точки зрения ее переадаптации к новым культурным условиям жизнедеятельности, характеризующимся психогенным влиянием, так и с точки зрения принятия ею целей и задач жизни в данных условиях возможна лишь при рассмотрении двух этих сторон единого адаптационного процесса в тесной взаимосвязи.

Анализ психологических проблем и психических расстройств вынужденных мигрантов показывает, что они носят комплексный характер, затрагивая все основные сферы личности: эмоциональную, когнитивную, поведенческую, мотивационно-потребностную, коммуникативную.

Нарушения в эмоциональной сфере вынужденных мигрантов очевидны и разнообразны – от безразличия, подавленности, потери интереса к жизни, заторможенности, переходящей в апатию и депрессию, до раздражительности, агрессивности, неконтролируемых вспышек гнева. Усиливается тревожность, повышается возбудимость, возникают перепады настроения, фобические реакции [3]. У подавляющего числа мигрантов встречаются серьезные расстройства сна. Зарубежные клинические данные свидетельствуют о том, что часто проявляется депрессия, которая приводит к тому, что эта категория людей оказывается в зоне повышенного суицидального риска.

В мотивационной сфере изменение иерархии потребностей и ценностных ориентации приводит к снижению уровня притязаний и резкому падению самооценки, тяжело переживается невозможность удовлетворения потребностей как высших, так и низших уровней. Фрустрация потребностей приводит к актуализации различного рода защитных механизмов, одним из которых может быть увеличение агрессивности. Уровень агрессивности, помимо личностной предрасположенности, определяется социальными условиями и обстоятельствами. Исследования показали, что «общий уровень агрессивности у вынужденных переселенцев повышен по сравнению с беженцами» [3, с. 3]. Наличие избыточной агрессивной энергии определяет адаптацию вынужденных переселенцев по активному типу. То есть они не пассивные лишенцы, они не производят впечатление несчастных людей. Их агрессивная энергия имеет, прежде всего, созидательно-действенный характер. Такие люди готовы реализовывать свои планы, готовы работать и строить свою жизнь заново [2].



Аффективным и мотивационным проблемам вынужденных мигрантов сопутствуют нарушения в когнитивной сфере: отмечаются случаи расстройства всех основных познавательных процессов – нарушения памяти (амнезия, конфабуляция, сложности запоминания), рассеянность внимания, отвлекаемость, нарушения восприятия, расстройства мышления (соскальзывание, чрезмерная обстоятельность).

Серьезные проблемы обнаруживаются в области межличностного общения, как в супружеских отношениях и отношениях с детьми, так и в сфере взаимодействия с представителями собственной и другой культуры [5].

Результаты эмпирических исследований свидетельствуют, что серьезное ухудшение психического здоровья мигрантов связано не только с интенсивностью отдельных негативных событий, но и с их количеством. Вынужденный отъезд и жизнь в чужой культуре почти всегда включают события разной степени экстремальности в количестве, достаточном для того, чтобы вызвать физиологический и психологический стресс [4].

Стратегии адаптации мигрантов в психологической литературе описываются по-разному. Наиболее распространённой и адекватной моделью адаптации групп к иной культуре является теория аккультурации Дж. Берри.

Согласно данной теории, аккультурация представляет собой сложный и далеко не бесконфликтный процесс межкультурного взаимодействия. Взаимодействие выделенных Дж. Берри двух факторов – поддержания культуры и участия в межкультурных контактах, – определяет четыре основные стратегии аккультурации (или адаптации):

- ассимиляция – мигрант начинает подстраиваться под позитивные стереотипы, позиционируемые данной культурой, при этом он может и не разделять данных ценностей и ориентаций в поведении;
- сепарация – мигрант не стремится к экспансивному поведению (расширению жизненного пространства в контекст новой культуры), старается заручиться поддержкой определенной этноконфессиональной группы, с которой себя идентифицирует;
- маргинализация – мигрант начинает вести себя в соответствии с ценностями определенной маргинальной группы (зачастую, противопоставляющей себя обществу и закону);
- интеграция – личностная трансформация, позволяющая мигранту воспринимать ценности данной культуры как свои собственные.

Интеграция является наиболее успешной стратегией адаптации в новой культуре, т. к. предполагает освоение и овладение навыками этой культуры до достижения полной социальной адекватности в ней. Причем, подчеркнем, приобретение знаний о новой культуре предполагает не разрыв с собственной культурой в пользу ценностей другого народа, а сохранение также своей культурной индивидуальности. В социально-психологическом плане это наиболее позитивный вид межкультурного взаимодействия, т. к. представители разных культур стремятся преодолеть межкультурный барьер, понять и принять другое



видение мира, и признается право личности на культурное своеобразие и равные возможности существования. Обретение переселенцами или трудовыми мигрантами позитивной групповой определенности в новой социокультурной среде будет идти по пути идентификации себя со своим (русским) этносом, сохранения позитивного отношения к представителям своей группы (мигранты из ближнего зарубежья) и формирования позитивного отношения к представителям принимающей группы (коренные жители России). Движение по пути приобретения новой позитивной (общей с коренными жителями) идентичности, адекватной изменившимся социально-культурным, экономическим и политическим условиям жизни в российском обществе невозможно без установления контактов с местным населением принимающих территорий. Поэтому стремление к установлению самых широких взаимоотношений с новым социальным окружением является необходимым условием или фактором успешности адаптации.

Другое психологическое понятие, которое требует своего осмысления – это психологическая аккультурация. Термин «психологическая аккультурация» был предложен Т. Грейвсом с целью обозначения изменений, возникающих в индивидуальном опыте в результате культурных контактов. В настоящее время выделяют два уровня аккультурации: собственно аккультурация, под которой понимают процесс изменения в культуре группы, и психологическая аккультурация – процесс изменения в психологии индивида. Процесс изменения в психологии индивида в связи с переселением в новую социокультурную и этническую среду требует проведения специальных психологических исследований, посвященных поиску закономерностей и механизмов социокультурной адаптации, поскольку, как известно, это процесс, протекающий весьма болезненно, т. к. он связан не только с глубокими личностными изменениями, но также затрагивает (часто весьма негативно) этническую идентичность.

В литературе по адаптации переселенцев и трудовых мигрантов принято выделять специфические характеристики или особенности взаимодействующих культур. Среди влияющих на адаптацию характеристик взаимодействующих культур обычно выделяют следующие.

1. Степень сходства или различия между культурами. Для оценки степени сходства культур используются различные индексы культурной дистанции, в которые обычно включают язык, религию, структуру семьи, климат, пищу и одежду. Результаты многочисленных исследований свидетельствуют о том, что степень выраженности «культурного шока» положительно коррелирует с культурной дистанцией.
2. Особенности культуры, к которой принадлежит переселенец. Так, имеются данные (например, статистика самоубийств иностранцев во Франции), что с большими трудностями в процессе адаптации сталкиваются японцы. Это можно объяснить характерной для японской культуры ритуализированностью поведения, сильным беспокойством японских «визитеров», что они ведут себя неправильно, т. к. не знают «кода поведения» в стране пребывания.



3. Особенности страны пребывания, прежде всего, способ, которым «хозяева» оказывают аккультурационное влияние на приезжих. Для плюралистических обществ характерна большая толерантность по отношению к культурному разнообразию, чем для монистических [7].

С целью выявления особенностей адаптационных характеристик у трудовых мигрантов разной этноконфессиональной принадлежности, работающих в ЮФО, было проведено диагностическое исследование. В качестве респондентов, были выбраны следующие группы трудовых мигрантов:

- мигранты, идентифицирующие себя как славяне, православные, из «ближнего» зарубежья (Украина, Белоруссия) в количестве 276 человек;
- мигранты, идентифицирующие себя как мусульмане из «ближнего» зарубежья (Таджикистан, Узбекистан, Казахстан) в количестве 188 человек;
- мигранты, идентифицирующие себя как представители «восточной» культуры: буддисты, синтоисты, католики (Вьетнам, Китай, Лаос), в количестве 127 человек.

Все участники исследования (591 человек) были мужчинами в возрасте от 19 до 54 лет, работающие в ЮФО не менее 1 года и имеющие официальную регистрацию. Исследование включало следующие этапы:

1 этап – отбор участников эмпирической части исследования;

2 этап – проведение анкетирования с целью выявления особенностей осознания специфики адаптации к условиям жизни в новом культурном окружении;

3 этап – проведение диагностики с целью выявления уровней личностной тревожности, фрустрированности, социальной изолированности и локус-контроля респондентов;

4 этап – сравнительный анализ полученных диагностических результатов.

Анализ эмпирических данных, полученных в процессе анкетирования и диагностики, позволил выявить следующее:

- хотя по культурным традициям и общественным ценностям первая группа испытуемых (славяне) являются наиболее приближенными к принимающему населению ЮФО (более 70 % признают сходство культурных традиций), именно они в наибольшей степени испытывают дискомфорт от ситуации, в которой оказались. Они достаточно часто рассматривают свою жизненную ситуацию как приближенную к критической (27 % от количества респондентов в данной группе) и при малейшей возможности предполагают вернуться домой («если бы не полная безысходность, никогда бы не приехал сюда работать»). Многие культурные традиции принимающего населения воспринимаются ими враждебно, наблюдается эффект идеализации своей национально-территориальной группы (у нас люди добрее, наши женщины красивее и т. д.). Именно в этой группе респонденты больше всего высказывали недовольство тем, что вынуждены заниматься малоквалифицированным трудом, получать меньшую зарплату, чем коренное население («к нам относятся, как к людям второго сорта»). Основная адаптационная стратегия – ассимиляция;



- вторая группа (мусульмане из «ближнего» зарубежья) оценивают сложившуюся ситуацию как допустимую, но только на определенный временной период («вот наладится у нас все в стране, и мы сможем вернуться»; «вот помогу сейчас родителю дом построить и сразу уеду»). Они также констатируют определенную враждебность и отчужденность принимающего населения, однако их оценки носят более сдержанный характер, чем у славян («люди другие, у них другая жизнь, другие цели»). Наиболее болезненно воспринимаются конфессиональные разногласия («в России плохо относятся к мусульманам, мало мечетей, много пьют»). Однако на вопросы об альтернативных вариантах трудовой миграции («если бы у Вас была альтернатива, то в какой стране Вы бы хотели работать»), данные респонденты почти всегда выбирают немусульманские страны. Основная адаптационная стратегия – сепаратизм с элементами маргинализации;
- третья группа (представители «восточной» культуры) в целом к ситуации трудовой миграции относятся позитивно или нейтрально. Многие (более 60 % респондентов данной группы) расценивают этот период жизни как этап развития и постижения новых поведенческих норм и правил существования в обществе. Более 70 % позитивно оценивают целый ряд атрибутов культуры и традиций принимающего населения (традиции получить образование, культурная специфика: кинематограф, телевидение). Основная стратегия адаптации – сепаратизм. Очень зависимы от группы, с которой разделяют ситуацию трудовой миграции, испытывают наибольшие сложности в изучении языка.

Анализ анкеты позволил выявить, что на вопрос о том, чувствуют ли они себя адаптированными к новой культуре, в которой они в настоящий период живут и работают, 68 % вне зависимости от этноконфессиональной принадлежности, считают себя неадаптированными или плохо адаптированным к новым условиям жизни и работы, 15 % считают себя хорошо адаптированными, 17 % затруднились дать однозначный ответ.

Психометрическая часть исследования позволила выявить, что ситуация социальной изоляции наиболее сильно проявляется у представителей второй группы. По этому показателю они оценивают себя как изолированные от населения принимающей стороны (64 %). Первая группа (славяне), несмотря на рефлексию отчужденности от коренного населения, по результатам психодиагностики показывает, что уровень социальной изоляции наблюдается менее чем у 17 % опрошенных. Третья группа показала средние результаты – 39 % респондентов считают себя изолированными от принимающего населения. Фрустрационные процессы и личностная тревожность повышена у представителей первой группы, которые при этом чувствуют себя неадаптированными к новым условиям жизни (на уровне $p \leq 0,01$; значимая прямая связь). Локус-контроль как показатель того, насколько жизненные успехи зависят от усилий самого человека, высокий у представителей 1-ой и 2-ой групп. Эти респонденты (84 % от суммарной выборки двух групп) считают, что их судьба во многом зависит от них самих. Несмотря на их несхожие



смыслоразностные установки, по данному параметру они демонстрируют очень схожие результаты. Третья группа респондентов в основном фаталисты. 72 % респондентов данной группы считают, что их судьба не зависит от их собственных усилий, а определяется более могущественными силами.

В целом проведенное исследование позволило сделать ряд выводов об особенностях психологического состояния мужчин-трудовых мигрантов, работающих в ЮФО:

- механизм психологической адаптации к трудовой деятельности в новых условиях действует в определенной содержательной последовательности, соответствующей этапам адаптации личности к новым условиям жизнедеятельности;
- содержание каждого этапа адаптационного процесса в ситуации трудовой миграции по своему значению для успешной реадаптации личности к новым условиям жизнедеятельности детерминируется индивидуально личностными особенностями, этноконфессиональной принадлежностью и внешними условиями протекания данных этапов;
- в целом, большинство трудовых мигрантов не чувствуют себя адаптированными к новым условиям жизни и работы, что становится существенным фактором, негативно влияющим на их психологическое состояние в данный период жизни;
- для преодоления адаптационных барьеров, которые возникают у трудовых мигрантов, необходимо разрабатывать и популяризировать технологии социального взаимодействия представителей разных культур, основанного на принципе диалогичности. «Диалогичность требует от общества и личности наличие установки на вступление в контакт, формирование толерантности как одного из ведущих личностных качеств, исключающего деструктивную конфликтность личности в ситуации связанной с иными социальными нормами: формирование готовности доверять, идти на компромисс» [1, с. 47].

Литература

1. Абакумова И.В., Кагермазова Л.Ц., Савин В.А. Диалог культур как смысло-технология формирования установок толерантного сознания и поведения студентов вуза // Российский психологический журнал. – 2013. – Т. 10. – № 1. – С. 46–59.
2. Абульханова-Славская К.А. Психологические и жизненные потери: к проблемам экологии человека // Психология личности в условиях социальных изменений. – М., 1993.
3. Анциферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психол. журнал. – 1994. – № 1. – С. 3–16.
4. Асмолов А.Г. Психология личности. Принципы общепсихологического анализа. – М., 2001.
5. Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций. – М., 1993.



6. Солдатова Г.У., Шайгерова Л. Социокультурная адаптация и психологическое здоровье вынужденных мигрантов / в кн. Психологическая помощь мигрантам в России: исследования и практика. – М., 2003. – С. 14–54.
7. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Калинин В.К., Кравцова О.А. Психологическая помощь мигрантам: травма, смена культур, кризис идентичности. – М., 2002.
8. Соловьев И.В. Посттравматический стрессовый синдром: причины, условия, последствия. Оказание психологической помощи и психореабилитация. – М., 2000.
9. Berry J.W., Poortinga Y.N., Segall M.N. & Dasen P.R. Cross-cultural psychology: research and application. – NY., 1990.
10. Furnham A., Bechner S. Culture Shock: Psychological reaction to unfamiliar environments. – L&N.Y., 1986.
11. Hofstede G. Culture's consequences: international differences in work-related values. – Beverly Hills, 1984.
12. Matsumoto D. Culture's and Psychology. – N.Y., 1996.
13. Rogers K. Toward a More Humanistic Science of the Person // Journal of Humanistic Psychology. – 1978. – no. 9. – P. 145–152.